

УДК 316:314.7(091)

ДИСКУССИЯ О ПРИРОДЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ТРУДАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТЕОРЕТИКОВ XX ВЕКА: УКОРЕНЁННОСТЬ И МИГРАЦИЯ

Е.Е. Михайлова, О.Ю. Верпатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

В трудах западноевропейских теоретиков XX в. выявлен ряд важных суждений о природе социокультурного пространства, что может оказаться продуктивными для решения проблем, связанных с современными миграционными потоками. При всей широте интерпретаций воззрения ведущих теоретиков группируются вокруг трех главных суждений: первое – пространство есть продукт творчества, коммуникации, деятельности и личностных переживаний человека; второе – человек как языковая и коммуникабельная личность способен конструировать и перенастраивать место, данное ему от рождения, и хранить «родное» в новых пространственно-временных условиях; третье – переименование пространственно-временных зон связано с угрозой утраты корней на дистанции «близко–далеко» и с опасностью проявления равнодушия в противовес осознанной свободе выбора.

Ключевые слова: культурное и социальное пространство, коммуникация, глобальное/локальное, простор, место, местность, укоренённость, миграция, присутствие/отсутствие.

Текущий миграционный кризис в медийной риторике представлен как следствие войн, идущих в Африке и на Ближнем Востоке [7]. Однако глубина вопроса заставляет задуматься над более значимыми социокультурными процессами. Основной тенденцией видится тот факт, что современная миграция в Европу демонстрирует «разворот исторического тренда» [13]. Если в минувшие столетия европеец «уезжал» в новую страну, обосновывался там, затем к нему переезжала семья, то теперь вектор меняется – европеец уже не «уезжает», а «принимает» у себя представителей разных культур и религий. Европа становится все более привлекательным направлением для новых и новых мигрантов, и вопрос сейчас состоит не столько в том, как избежать массовой миграции – она неизбежна, – сколько в том, как лучшее ее принять. Процесс этого принятия, сопряженный с немалыми сложностями, высвечивает проблематику «встречи» различных по своей природе культурных и социальных начал, вопросы взаимопроникновения и взаимосвязи состояния укоренённости и миграции человека.

В контексте переосмысления проблемы «глобального–локального» представители философии культуры подвергают переоценке сложившуюся за последние полвека политику диалога культур [8]; психологи изучают новые основания жизненной и профессиональной

переориентации личности в глобализирующемся пространстве [10; 16]; экономисты рассуждают о правильном использовании привнесенного миграционной волной нового источника человеческого капитала [8]; социологи, политологи, правоведы занимаются поисками новых регистров переосмысления понятия «политика границ» [1]. Так, по мнению У. Бека, в результате глобализационных коммуникаций наблюдаются переплетение во многом уже «отсутствующих» рубежей, динамика старых и новых границ, и все это следует воспринимать уже не в национальных понятиях, а в рамках «транснациональной мировой внутренней политики» [1, с. 8].

В то время как современные политики пытаются понять, как встроить механизм интеграции беженцев в западное общество, теоретики социальной философии, философии культуры, культурологии, социологии и других сфер социально-гуманитарного знания пытаются вскрыть природу социокультурного пространства, ищут новые коды понимания процессов мобильности, дифференциации и интеграции человека. Анализ дискуссии о природе социокультурного пространства, прямо или косвенно ведущейся на протяжении уже нескольких десятилетий и отраженной в трудах западноевропейских теоретиков XX в., может помочь в оценке миграционных явлений современности.

Впервые категорию «социальное пространство» ввел в употребление Г. Зиммель. С его посыла в исследовательской среде разграничиваются две реальности: пространство бытия и социальное пространство. Как сторонник формальной социологии, Г. Зиммель определял эти две реальности в диапазоне «форма – наполнение». Так, пространство бытия в интенции автора сопряжено с понятием «ландшафт», где подчеркивается не только материальность этой разновидности пространства, но и наличие у него определенных границ и репрезентируется им как первичная форма. Эта форма становится основой для реализации социального пространства, которое наполняет его содержательно. «Пространство – это форма, а форма не действует... Отдельные части пространства синтезируются душой» [9, с. 39–40]. Социальное пространство представляется исследователем в виде «продукта души», ее деятельности, выраженной в способе, которым человек соединяет между собой не связанные до этого чувственные аффекты.

В качестве основной характеристики пространства Г. Зиммель выделяет его бесконечность, под которой понимается не физическая способность вмещать в себя бесконечно многое, а бесконечная функция созерцания, в основе которого лежат ощущения (аффекты). Для Г. Зиммеля пространство видится двояким: формально – это «место», содержательно – это «поле», порожденное социальной деятельностью человека, его способностью осмысливать окружающую реальность, переживать и выстраивать свои ощущения в определенную систему. Такая процедура осмысленного наполнения пространства превращает перво-

начальное формальное «место» в пространство с новым значением «поля» коллективной деятельности индивидов [9, с. 49–57]. Социальное пространство в концепции Г. Зиммеля – это комбинации и взаимодействия аффектов, чувственных явлений и ощущений; оно представляет собой содержание, которое наполняет некое материальное место, определяет его характеристики. Зиммельская идея о разграничении пространства бытия и социального пространства нашла свое отражение в работах и других исследователей, которые разделили эту позицию.

Философско-экзистенциальные воззрения М. Хайдеггера демонстрируют важность дискурсивного характера социокультурного пространства на пути постижения человеком сущности своего жизненного мира. Для анализа природы пространства важны две линии рассуждений М. Хайдеггера: его разграничение триады «простор», «место» и «местность» и понимание категории «родного» как чувства «укорененности» в языке и традициях.

Пространство в осмыслении М. Хайдеггера есть нечто простое, свободное от преград. «Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания. Простор, продуманный до его собственного существа, есть высвобождение мест, где судьбы поселяющегося тут человека повертываются или к целительности *родины*, или к губительной *безродности*, или уже к *равнодушию* перед лицом их обеих. Простор есть высвобождение мест, вмещающих в себя явление бога, мест, покинутых богами, мест, в которых божество долго медлит с появлением» [15, с. 313]. Видно, что простор для М. Хайдеггера не есть нечто физическое или физико-географическое. Это вся совокупность компонентов, необходимых для того, чтобы стать или родиной, или чужбиной. В этой связи «родина» есть не то, что существует априори, родина – это простор, творимый самим человеком.

М. Хайдеггер выделяет несколько характеристик «простора», связанных с миграцией («человеческим заселением» в его терминологии). Простор допускает присутствие вещей, которые необходимы для человеческого обитания, от которого человек зависим. Речь идет не только о материальных объектах, но и об обычаях, традициях, элементах духовной культуры. Простор, по сути своей, передает свою способность «простирается» другому свойству – «заполнению вещами». При этом простор не просто заполняется вещами, но и дает им свои места и позволяет исполнять свое предназначение, функции. Иными словами, простор дает возможность людям самостоятельно сконструировать свое место и местность, т. е. выстраивать их для себя.

«Простор есть высвобождение места» [15, с. 314]. Место в понимании М. Хайдеггера связано с размещением, т.е. с тем, что находится в распоряжении человека. Место не просто физическая точка, а область, очерченная как взаимосвязь привычного набора элементов. Именно эта очерченность и называется «местностью». «Место открывает всякий раз

ту или иную местность, собирая вещи для их взаимоотношенности в ней» [15, с. 314]. Таким образом, место определено местностью. Место не располагается в заранее данном пространстве типа физически-технического пространства. Это последнее впервые только и развертывается под влиянием мест определенной местности. Главная способность человека, определяющая его сущность, – это способность быть осмысляющим. Поэтому, «чтобы размышлять, нам отнюдь не требуется “перепрыгнуть через себя”. Достаточно <...> подумать о самом близком: о том, что касается каждого из нас – здесь и сейчас, здесь, на этом клочке родной земли, сейчас – в настоящий час мировой истории» [14, с. 6].

В русле воззрений М. Хайдеггера можно предположить, что пространство становится таковым, когда создается уникальная комбинация характерных взаимосвязей. Каждое пространство уникально и неповторимо. Человек, привыкая к одной местности, наполняется ощущением «родины», чувствует себя на своем месте. Перемещаясь на новое место, человек не может в полной мере сохранить привычную ему обстановку, поскольку «принимающее» пространство уже сложилось до него и занято другими «вещами». В логике миграции человек вынужден приспособляться к новому месту, стать элементом принимающей системы, стать «местным» [4, с. 62]. Однако здесь возникает противоречие, связанное с процессами «принятия – непринятия» новой культуры. С одной стороны, теряя связь с родным местом, человек отрывается от той системы вещей, которая была привычна для него и в создании которой он сам участвовал. С другой стороны, пока человек адаптируется к новой местности, принимая новую систему ценностей, возникает угроза утраты чувства укорененности и опасность проявления *равнодушия* перед лицом выбора «целительности родины» или «гибельной безродности».

Сопоставляя теоретические положения концепций Г. Зиммеля и М. Хайдеггера, можно отметить, что оба теоретика разграничивают понятие пространства в значении «места» и в значении «продукта» культурной и социальной коммуникации. Оба исследователя говорят о том, что индивид – носитель определенной культуры и его язык способен заполнить «простор» содержанием, придать ему наполнение. Без деятельности человека «простор» остается пустым, бессодержательным. Сходство взглядов Г. Зиммеля и М. Хайдеггера проявляется и в том, что они не сводят само понятие пространства бытия (простор, место) к какой-то географической точке. Пространство существует как некая бесконечность, которая требует заполнения. Заполняют ее индивиды, создавая неповторимые комбинации социокультурных элементов. А само пространство как бы обладает способностью подстраиваться под тех, кто его осваивает; иными словами, сам человек конструирует и формирует свое пространство.

Очевидны и различия во взглядах этих исследователей на природу социокультурного пространства. Г. Зиммель делает акцент на аффективной, чувственной составляющей пространства. М. Хайдеггер уделяет

особое внимание языку, осмыслению своего места через проговаривание. Именно язык в его рассуждениях становится ключевым элементом, определяющим как само пространство, так и его наполнение. Язык, умение мыслить, осознавать и осмысливать пространство вокруг себя – все это способствует формированию чувства «укорененности», т. е. ощущения принадлежности индивида к тому или иному пространству. По замыслу М. Хайдеггера, индивид может лишиться этой укорененности. Г. Зиммель, наоборот, демонстрирует более оптимистические перспективы: индивид способен адаптироваться, подстраиваться под новое пространство в случае его социального перемещения, миграции. М. Хайдеггер подчеркивает условность границ пространства, поскольку индивиды как носители языка культуры могут воспроизвести его в любой точке, если наполнят его необходимым для себя содержимым. Не только пространство проникает в человека, человек также является творцом пространства, постепенно получая возможность выступать его носителем. Тем самым зиммелевское социальное пространство как потенциально бездейственная форма, оживляемая только за счет усилий составляющих ее индивидов, превращается в концепции М. Хайдеггера в пространство, изначально активное в силу своей дискурсивности.

Дискуссия о природе социокультурного пространства демонстрирует созвучие мыслей, выраженных в работах М. Хайдеггера, с рассуждениями других представителей экзистенциализма. В экзистенциальном отношении предназначение человека состоит в том, что он не просто существует, но и знает о том, что существует. Сегодня особо отчетливо высвечивается проблема взаимосвязи экзистенциального выражения человека и его сознательного конституирования собственного личностного мира со всеми его вещами, отношениями и свойствами. В интенции К. Ясперса человек «всегда больше того, что он знает о себе» [2, с. 145]. Культурная и социальная реальность для него – это процесс бесконечного познания без надежды на окончательный успех. Земной шар стал повсюду доступным, пространство распределено как «единое всеобъемлющее место поселения человека» [2, с. 25]. Современная эпоха (речь идет о времени между двумя Мировыми войнами), когда техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным открытиям, а посредством планомерного труда, настораживает философа бездумным стремлением человека поставить свое бытие на службу текущих потребностей. Это вызывает у человека противоречие: с одной стороны, стремление преобразовывать мир по устоявшимся и знакомым шаблонам, с другой стороны, чувство беспомощности от того, что мир не желает подчиниться, ускользает от него.

Экзистенциально смысл жизни человека заключается в том, чтобы догнать «ускользающую» реальность. К. Ясперс отмечает, что для человека, порвавшего замкнутый круг природы, характерна потеря корней: «Он как будто не может более удержать бытие» [2, с. 11]. К. Ясперс

говорит о смене пространства как смене духовной ситуации человека. Имеются в виду три авторские интерпретации сферы ситуации: познавательная (осознание существования), экономическая, социальная, политическая (качество существования) и потенциальная (возможности веры) [2, с. 30–31]. В своем социокультурном существовании индивид неизбежно занимает предназначенное ему место и поэтому не может присутствовать повсюду в одинаковой мере. Перемещаясь в пространстве, каждый отдельный человек проживает только свою и всегда новую ситуацию: от жизни в уже известном, познанном мире – к жизни в новом для него, в фактически действительном мире. Мир, в котором было все относительно понятно, каждый раз трансформируется в мир, в котором человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в исторически новой ситуации своего существования. «Человек расщеплен в глубине своей самости. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях». В рассуждениях К. Ясперса смысл бытия человека каждый раз становится иным [2, с. 146].

Эти слова, сказанные более чем полвека назад, как никогда созвучны настоящему. Современное информационное общество усиливает экзистенциальную напряженность человека. Глобальные потоки информации и широкий спектр возможностей использования компьютерных сетей и технологий вынуждают человека пребывать в необходимости выбора, идентификации ускользающего бытия, постоянного риска и реструктурирования проблемного поля своего существования. В «круговороте самости», по выражению Ж.-П. Сартра, личностное пространство оказывается под воздействием жизненного пространства, осуществляющего постоянную перекачку информации и знания извне и формирующего тем самым многообразные узлы коммуникации [12, с. 46].

Воззрения Г. Зиммеля, М. Хайдеггера и К. Ясперса тематизируют значимость духовной сферы развития общества, ставя ее во главу угла в объяснении вопроса о формировании социального пространства. Однако ряд философов в своих трудах предлагают альтернативный, материалистический взгляд на социальное пространство, опираясь в своих работах на принцип «бытие определяет сознание».

В неомарксистской концепции А. Лефевра феномен социального пространства анализируется с позиции его детерминированности производственными силами. А. Лефевр критически относится к метафизическим трактовкам данного понятия. Он отмечает, что в философии в настоящее время принято широкое толкование производственных сил, которое стало включать в себя и идеологию, знания, дискурс, язык, символы и т. д. Такой подход уводит от понимания сути социальной реальности, делает невозможным ее анализ. Сам А. Лефевр определяет социальное пространство как результат последовательности или комплекса операций, в итоге не сводимых к простому объекту. Социальное простран-

во создается действиями и в то же время позволяет их. Оно состоит из действий, связанных с производством, и действий, связанных с потреблением [11]. Свою позицию А. Лефевр аргументирует, ссылаясь на пространство ряда европейских городов. В частности, он говорит, что социальное пространство Венеции развивалось за счет производственных сил и производственных отношений, преобразуя некое пустое, нейтральное пространство, имеющее географический, климатический фундамент, в пространство социальное, т. е. в пространство, где действуют социальные закономерности. Таким образом, А. Лефевр интерпретирует социальное пространство как сверхпродукт производственных сил.

Детерминистское видение социокультурного пространства свойственно и взглядам П. Бурдьё. Он проводит разграничение реальности первого порядка – физического пространства и реальности второго порядка – социального пространства. Разделяя физическое и социальное пространства, французский исследователь подчеркивает, что «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей» [3, с. 49]. Он отмечает, что в отношении положения агента или предмета, когда речь идет о физическом пространстве, разумнее употреблять понятие «локализация», обозначая, что этот агент или предмет имеет физическое место. П. Бурдьё обращает внимание на то, что пространство – это прежде всего «взаимоисключение позиций, которые его образуют, структура рядоположенности социальных позиций» [3, с. 49–50]. Здесь делается акцент на социальную структуру, т. е. совокупность ролей и статусов, присущих индивидам и группам. Социальное пространство у П. Бурдьё по своей сути не имеет физического воплощения как такового, но оно стремится преобразоваться в организованное физическое пространство (в дальнейшем философ введет еще одну категорию «овеществленное социальное пространство»).

В качестве основной характеристики социального пространства П. Бурдьё выделяет иерархичность. Он обращает внимание на то, что без иерархичности существование социального пространства невозможно [3, с. 50]. Социальное пространство основано на определенных пространственных схемах, которые индивиды признают, культивируют и воспроизводят, которые сложно осмысливать как физические, поскольку эти схемы выражены в системе отношений между индивидами. Физическое же пространство может восприниматься только как некая абстракция, при условии игнорирования социального наполнения. В результате получается сложная система связей между социальным и физическим пространством: и то, и другое существуют как два вида объективной реальности, но на разном уровне символического восприятия. Физическое пространство при сближении с социальным пространством (неизбежный процесс) превращается в социальную конструкцию и проекцию социального пространства, становясь, таким образом, объективированным воплощением социального пространства (т. е. социальных

структур) [3, с. 53]. Само же социальное пространство так же абстрактно, оно наполняется содержанием за счет подпространств и полей, из которых складывается (экономических, интеллектуальных, правовых, политических). Физическое пространство как место обитания является объектом присвоения социальных пространств, поскольку именно через него оно получит овеществление.

Становится ясным, что П. Бурдьё взял от каждого учения общезначимое, на его взгляд, зерно. Как и А. Лефевр, он придает первостепенное значение не «духовным» составляющим пространства, а социальным отношениям и взаимодействиям, системе социальных статусов и ролей. Как и М. Хайдеггер, он использует категорию «место». Но в его трактовке место обозначает момент локализации физического пространства. Визитной карточкой воззрений П. Бурдьё стало понятие «габитус», обозначающее физическое пространство, освоенное с помощью системы социальных отношений. Здесь подчеркивается, что социальное пространство может «уйти» от абстрактности, воплотившись в физическом пространстве через систему социальных отношений [3, с. 59].

Известная теория структуризации Э. Гидденса особым образом высвечивает проблему дифференциации социокультурного пространства, разделяя эту единую мыслительную конструкцию на два уровня – физический и социальный [6, с. 131–133], «повседневный» и «жизненный» [5, с. 490]. На взгляд британского теоретика, конкретизированными аспектами дуальности социокультурного пространства выступает, с одной стороны, координация траекторий повседневных перемещений индивидов в пределах заданного диапазона локальностей, с другой стороны, так называемое «чувство пространства» [5, с. 490]. Чувство пространства объясняется исследователем как ощущение динамичного единства «повседневного пути» и «жизненного пути», как форма жизни, посредством которой последовательная целостность биографии индивида выражается и выражает непрерывность институционального воспроизводства. В связи с этим чувство пространства приобретает особую значимость для поддержания онтологической безопасности, поскольку обеспечивает психологическую связь между биографией индивида и локальностями как средой пространственно-временных путей, по которым перемещаются индивиды. Изучив все максимально возможные концепции социального взаимодействия и социального воспроизводства (И. Гофман, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Фуко – вот далеко неполный список источников, переосмысленных британским социологом) и признавая их безусловную продуктивность, Э. Гидденс считает общей исследовательской ошибкой рассматривать взаимодействия в условиях непосредственного физического присутствия акторов в качестве «своеобразного фундамента», на котором основываются более масштабные, макроструктурные и социальные свойства. Противостояние «микро» и «макро» следует переосмыслить с позиции того, каким образом взаимодействие в условиях коммуникации «ли-

цом к лицу» структурно встроено в систему обширных пространственно-временных институциональных образований. Вопрос о том, как микро-системы встроены в макросистемы, эффективно исследовать как проблему взаимосвязи между социальной и системной интеграцией [5, с. 23]. По мнению Э. Гидденса, социокультурное пространство главным образом должно рассматриваться с позиции собственного участия в становлении систем взаимодействия [5, с. 491].

Можно заметить сходство применяемого принципа разграничения Э. Гидденса с разграничением понятий в концепции М. Хайдеггера. Несмотря на то, что Э. Гидденс именуется хайдеггеровскую терминологию «пугающей своей неопределенностью» [5, с. 81], он также использует термин «место» для обозначения пространства, а «округ» – для обозначения геополитического пространства (у М. Хайдеггера похожее значение придается категории «местность»). «Округ» – физическое окружение социальной деятельности, т. е. реализации социальных отношений в рамках определенной географической территории («место»). Э. Гидденс делает также поправку, важную для дальнейшего понимания его концепции социального пространства: он отмечает, что пространство и место в обществах прошлого совпадали, поскольку «пространственные параметры социальной жизни для большей части населения и большинстве отношений заняты “присутствием”, т. е. деятельностью в определенном окружении» [6, с. 131–133]. В русле воззрений М. Хайдеггера, который предрекал возможность изменения современного восприятия пространства, Э. Гидденс говорит о том, что в современных обществах место *отрывается* от пространства, развиваются отношения «соприсутствия», относящиеся к социальной интеграции между «присутствующими» и «отсутствующими» [5, с. 83]. В современном обществе социальные отношения, влияния уже не имеют жесткой привязки к конкретному «месту» и даже «округу». С этой позиции он одобряет схему социолога П. Уиллиса о «пересечении зон» в горизонте дуальной структуры (социальной и интегральной). На аналитическом уровне этот процесс включает четыре этапа: сначала наблюдается пространственное распространение и удаление от непосредственных контекстов взаимодействия; далее идет период стабильности, осуществляющий в определенной мере воспроизводство общепринятых практик; затем наступает период временного распространения и удаления от непосредственных практик поведения; наконец, складывается интерсоциетальная пространственно-временная протяженность, которая, в свою очередь, начинает оказывать воздействие на фактические, институционально устойчивые пространства [5, с. 405].

Таким образом, Э. Гидденс фокусирует внимание на трансформации соотношения категорий социального и физического пространства в условиях глобализирующегося общества. Однако если М. Хайдеггер видит в развитии общества угрозу для «укорененности» человека, то

Э. Гидденс анализирует данный процесс как объективный и неизбежный, связанный с общим трендом общественного развития. Особую роль в понимании социального пространства автор отводит вопросу о культурной дистанции. Именно дистанцирование определяет структуру социальных отношений, устанавливая скрытую форму «округи». Здесь можно отметить своеобразный диалог с формальной социологией Г. Зиммеля, который также считал, что аффекты наполняют содержанием социальное и бытовое пространство.

Отдельно следует отметить идею «удаленности», которая присутствует в анализе концепции социального пространства у Э. Гидденса. Данный термин схож с утратой «укорененности» в работах М. Хайдеггера. В целом многие идеи Э. Гидденса перекликаются с представлением о социальном пространстве М. Хайдеггера. Общим моментом является и понимание «локализации» социального пространства и проблема отчуждения пространства.

Таким образом, при всей широте интерпретаций воззрения ведущих теоретиков группируются вокруг трех главных суждений: первое – пространство есть продукт творчества, коммуникации, деятельности и личностных переживаний человека; второе – человек как языковая и коммуникабельная личность способен конструировать и перенастраивать место, данное ему от рождения, и хранить «родное» в новых пространственно-временных условиях; третье – перекрещивание пространственно-временных зон связано с угрозой утраты корней на дистанции «близко–далеко» и с опасностью проявления равнодушия в противовес осознанной свободе выбора.

Выявлено, что в контексте обсуждения природы социокультурного пространства большинство теоретиков используют понятия, связанные с его константным и динамичным началом. Для характеристики *константного* начала используется понятие «место» в его различных интерпретациях: потенциал наполнения духовными силами (Зиммель), «укоренённость», т. е. место, сконструированное индивидом и наполняемое им же самым необходимым содержанием (Хайдеггер), «сверх-продукт производственных сил» (Лефевр), «символическое поле» (Бурдьё), «присутствие/соприсутствие» как деятельность в определенном окружении (Гидденс). Для свидетельства *динамичности* процессов миграции используется ряд характеристик: «поле» осмысленного наполнения нового пространства (Зиммель); сохранение в языке и традициях чувства родины в момент выбора места заселения (Хайдеггер), осознание новой духовной ситуации как средства «удержания бытия» (Ясперс), символическое «присвоение» новой природы социальных отношений (Бурдьё), перекрещивание пространственно-временных зон (Гидденс) и другие версии. Особую значимость в последние годы в связи с усилением миграционных процессов и интернализацией пространства приобрел вопрос об угрозе утраты культурных корней. Так,

М. Хайдеггер еще в середине XX в. заговорил о дефиците рациональности и имманентно присущей ей угрозе складывания равнодушного мирозерцания перед лицом выбора родины или чужбины. Если обратиться к современным социальным явлениям и процессам, то видно, что М. Хайдеггер, по сути, предвосхитил ситуацию, вызванную миграционной динамикой, в которой контрастируют две культуры – принимающая и привнесённая. Тот факт, что многие мигранты не только не ассимилируются, но часто отказываются жить по правилам страны, куда они приехали сами или приехали их родители, можно объяснить устойчивостью чувства «укорененности»: в новые пространственно-временные условия попадает не только физический мир человека, но и его язык, обычаи, традиции, с которыми невозможно распрощаться исключительно «по команде» принимающей стороны. Очевидно, что встреча культур предполагает длительный диалог, поиск общего языка, постепенное движение навстречу друг другу.

Список литературы

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
2. Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы: философский поединок. М.: Алгоритм, 2014. 304 с.
3. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
4. Верпатова О.Ю. «Простор» – «место» – «местность» в концепции социального пространства М. Хайдеггера // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2016. № 1. С. 60–64.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. М.: Академический Проспект, 2003. 528 с.
6. Гидденс, Э. Последствия современности. М.: Практис, 2011. 343 с.
7. Глава МВФ призвала G20 к решению проблемы беженцев: доклад Кристин Лагард. [Электронный ресурс] URL:<http://ria.ru/world/20151111/1318988818.html> (дата обращения 17.02.2016).
8. Губман Б.Л. Диалог культур в перспективе постклассической философии // Культура культуры. 2016. Т. 1. № 1 (9). С. 10.

9. Зиммель Г. Философия культуры: в 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 1. 671 с.
10. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Профессиональное развитие: на перепутье эпох, культур и парадигм // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии. сб. науч. тр. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. С. 64–73.
11. Лефевр А. Социальное пространство [Электронный ресурс]. URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>
12. Михайлова Е.Е., Сурodeйкин В.А. Знание как экзистенциальная характеристика личности // Новое в психолого-педагогических исследованиях: теоретич. и практич. проблемы психологии и педагогики: Науч.-практич. ж. изд-ва РАО / под ред. М.А. Лукацкого. 2011. № 3 (23). С. 44–50.
13. Соломонова И. Исторический разворот: почему Европа утонет в мигрантах. [Электронный ресурс]. URL:https://slon.ru/posts_62369 (дата обращения 12.01.2016).
14. Хайдеггер М. Изречения Анаксимандра // Разговор на проселочной дороге: сб.: пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа, 1991. С. 26–67.
15. Хайдеггер М. Пространство и искусство // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 312–316.
16. Nizamova E., Malykh S., Sabirova E. Cross-cultural genetic-informative study of personality traits // Twin Research and Human Genetics. 2014. Т. 17. С. 467.

THE DISCUSSION ON THE NATURE OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE HERITAGE OF XX CENTURY WESTERN EUROPEAN THEORISTS: ROOTEDNESS AND MIGRATION

E.E. Mikhailova, O.U. Verpatova

Tver State Technical University (Tver)

The works of the 20-th century Western European scholars reveal important properties of the socio-cultural space that are highly significant for the analysis of contemporary migration issue. Despite the diversity of their approaches to this problem, their views are focusing on three major characteristics of socio-cultural space: 1. it is a product of creativity, communication, activity and personal experiences of human beings; 2. any human person is able to construct or change the originally given space of existence on the basis of his or her linguistic and social capacities saving the past heritage under the new space-time circumstances; 3. the crossing of space-temporal zones is related

to the threat of losing roots and with the danger of indifference demonstration as opposed to a conscious freedom of choice.

Keywords: *cultural and social space, communication, global/local, “open space”, “place”, “surroundings”, rootedness, migration, presence/ absence.*

Об авторах:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

ВЕРПАТОВА Оксана Юрьевна – аспирант, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena – Ph.D., Prof. of the Dept. of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

VERPATOVA Oksana – Ph.D. student, senior lecturer, Dept. of sociology and social technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru